

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-226-234

EDN: TKV FYU

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Полемика М.Л. Слонима и З.Н. Гиппиус о двух ветвях развития русской литературы

В.Ю. Свиридов

*Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация*

✉ v.yu.sviridov@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – анализ возникшей в середине 1920-х гг. на страницах периодики русского зарубежья полемики между Зинаидой Гиппиус и Марком Слонимом. Спор о двух ветвях развития литературы вызвал интерес в среде русской эмиграции, поскольку касался вопросов состояния литературы русского зарубежья и литературы Советской России, а также будущего этих литератур. Гиппиус доказывала, что литература в России находится в упадке, поскольку она «оторвана от корней», а русская литература сохраняется лишь в эмиграции. Слоним настаивал, что литература эмиграции пребывает в стагнации, а литература Советской России дает новые имена, новые литературные группы. Область критики литературы русского зарубежья 1920–1930-х гг. на современном этапе литературоведения мало изучена. Полемика Слонима и Гиппиус исследователями ранее не рассматривалась, в этом заключается новизна работы. Рассмотрение различных точек зрения на состояние и будущее двух ветвей русской литературы в середине 1920-х гг. позволяет понять общественные настроения в среде русской эмиграции и их взгляд на современную им литературу. Прослежен спор между Слонимом и Гиппиус, оказавший влияние на литературную жизнь эмиграции 1920-х гг.; выявлены вопросы, в которых оба критика сошлись в едином мнении, а также тезисы, которые авторы продолжили доказывать. Подчеркивается, что Слоним выдвинул тезис, который в будущем разовьют историки литературы русского зарубежья, о том, что литература русского зарубежья – не самостоятельная литература, а лишь одна из ветвей русской литературы.

Ключевые слова: русское зарубежье, критика, пути развития, литература эмиграции

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01326 «Литературная полемика о двух путях развития русской литературы в критике русского зарубежья первой половины XX века».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2024 г.; отрецензирована 13 февраля 2024 г.; принята к публикации 16 марта 2024 г.

© Свиридов В.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Свиридов В.Ю. Полемика М.Л. Слонима и З.Н. Гиппиус о двух ветвях развития русской литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 226–234. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-226-234>

The controversy between M. Slonim and Z. Gippius on two branches of the development of Russian literature

Vladislav Yu. Sviridov

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

✉ v.yu.sviridov@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the analysis of the controversy between Zinaida Gippius and Mark Slonim that arose in the mid-1920s on the pages of periodicals of the Russian diaspora. Russian emigration was interested in the dispute over the two branches of literature development, as it concerned the issues of the state of literature of the Russian diaspora and literature of Soviet Russia, as well as the future of these literatures. Gippius argued that literature in Russia is in decline, because it is “torn from the roots”, and Russian literature is preserved only in emigration. Slonim insisted that the literature of emigration was stagnating, and the literature of Soviet Russia was giving new names, new literary groups. The field of criticism of literature of the Russian diaspora in the 1920s and 1930s is poorly studied at the present stage of literary criticism. The controversy between Slonim and Gippius has not been considered by researchers before, this is the novelty of the work. Russian literature the examination of different points of view on the state and future of the two branches of Russian literature in the mid-1920s makes it possible to understand the public mood among the Russian emigration and their view of contemporary literature. The paper traces the dispute between Slonim and Gippius, which influenced the literary life of emigration in the 1920s, identifies issues in which both critics agreed, as well as theses that the authors continued to prove. Russian literature historians emphasize that Slonim put forward a thesis, which will be developed in the future by historians of literature of the Russian diaspora, that the literature of the Russian diaspora is not an independent literature, but only one of the branches of Russian literature.

Keywords: Russian abroad, criticism, polemics, ways of development, literature of emigration

Acknowledgements and Funding. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01326 “Russian Literary polemic on two ways of development of Russian literature in the criticism of the Russian Diaspora in the first half of the twentieth century”).

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2024; revised February 13, 2024; accepted March 16, 2024.

For citation: Sviridov, V.Yu. (2024). The controversy between M. Slonim and Z. Gippius on two branches of the development of Russian literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 226–234. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-226-234>

Введение

В середине 1920-х гг. осознание эмигрантской литературы как отдельной, самостоятельной ветви, а литературы метрополии как непонятной, чуждой, другой, не похожей на прежнюю дореволюционную литературу вылилось в полемику между литературными критиками русской эмиграции. В центре споров о русской литературе всегда стояла Россия. Многие русские эмигранты считали, что они вывезли Россию вместе с собой, что именно они – наследники русской культуры, обязанные сохранить традиции прошлого. Это подтверждают слова из статьи В. Сирина (В.В. Набоков) «Годовщина»: «В той особенной России, которая невидимо окружает нас, оживает и поддерживает, питает наши души, украшает наши сны, нет ни одного закона, кроме закона любви к ней, и никакой силы, кроме нашей совести» (Сирин, 1927, с. 2). При этом, как отмечал О.А. Коростелев, область критики литературы русского зарубежья 1920–1930-х гг. разработана фрагментарно: «монографии или биографии литераторов, писавших в этом жанре, редки, тексты большей частью остаются несобранными, удовлетворительных библиографий зачастую не имеют даже авторы первого ряда, не говоря обо всех остальных» (Коростелев, 2005, с. 132). В исследовании мы рассмотрим полемику между З.Н. Гиппиус и М.Л. Слонимом на страницах журналов «Современные записки» (Париж) и «Воля России» (Прага).

Обсуждение

Полемика между Слонимом и Гиппиус началась после публикации в январском номере «Современных записок» за 1924 г. статьи Антона Крайнего (З.Н. Гиппиус) «Полет в Европу». В ней автор высказывает крайне жесткую позицию по отношению и к советской литературе, и к тому, что происходит в Советской России: «„Очистив“ Россию от современной русской литературы, от Арцыбашевых, Буниных, Мережковских, Куприных, Ремизовых и т. д. и т. д., распорядители (как мы знаем) ныне принялись за коренное очищение ее и от всего русского литературного наследия. <...> Трудно, при этих обстоятельствах, говорить мне о литературе в России» (Крайний, 1924, № 18, с. 126). Максима Горького Гиппиус вовсе называет «деятелем», а не писателем. По ее мнению, он не смог как художник прочувствовать катастрофу, случившуюся с Россией в 1917 г. Гиппиус метафорично размышляет о том, что писатели в эмиграции дали «за эти шесть лет меньше нового»: «Есть ли поэт, который будет писать стихотворение у еще теплого тела матери?» (Там же, с. 128). Отметим, что с мнением Гиппиус о том, что периоды социально-политических потрясений практически никогда не совпадают с крупными достижениями в области искусства, Слоним согласится.

Гиппиус размышляет о рамках, в которые загнаны писатели и критики. Эти рамки есть и в СССР, и в эмиграции: в России – в качестве цензуры; в эмиграции – в качестве того, что позволено и не позволено писателям, о чем они могут писать, о чем – не могут. Гиппиус считает, что литература в России, оторванная от корней, от Толстого и Достоевского, обречена. Говоря о литературе с точки зрения искусства и эстетики, Гиппиус заключает: «Могла бы я, пожалуй, вспомнить об яйцах, из которых „очистители“ пыта-

лись одно время высидеть „собственную“ литературу. Но я хочу говорить об искусстве, об эстетике; из яиц же вылупились такие непристойные гады, что неуместно мне их на сей раз касаться» (Там же, с. 127).

На первое место среди писателей Гиппиус ставит Бунина – «чистого художника жизни» (Там же, с. 129), выделяет Алданова и Шмелева. Но эмигрировавшие писатели оказались, как отмечает Гиппиус, перед таким фактом: Европа совсем не знает русскую литературу и не знакома с ней. Основной задачей, стоящей перед русскими писателями, Гиппиус называет сближение с европейцами: «Авось доживем и до первого строгого слова иностранца» (Там же, с. 138). Эту задачу исполняют те писатели, которые «стали пытаться издавать русские свои книги на иностранных языках» (Там же, с. 137). Завершает статью Гиппиус надеждой, что вместе с возвращением эмиграции на родину вернется и литература: «Откроются когда-нибудь двери в Россию; и литература вернется туда, Бог даст, с большим, чем прежде, сознанием всемирности» (Там же, с. 138).

Категорически не согласился с мнением Антона Крайнего М.Л. Слоним. Свою позицию он высказал в статье «Живая литература и мертвые критики»: «Сквозь очки предвзятости, злобы и политики захотел увидеть Антон Крайний русскую литературу – и ничего не увидал, кроме ямы, пустоты исполинской безликости смерти» (Слоним, 1924, с. 54). Эти «очки предвзятости», впрочем, были присущи не только Гиппиус. Как писал Г.П. Федотов в статье «Зачем мы здесь?»: «Люди думают, что они живут любовью к России, а на деле, оказывается, – ненавистью к большевикам» (Федотов, 1935, с. 435). Антон Крайний, по мнению Слонима, забыл, что в России остались Вячеслав Иванов, Максимилиан Волошин, Валерий Брюсов, Андрей Белый, литературная молодежь – от «серапионов» до имажинистов. Критик предлагает подойти с другой позиции к литературе эмиграции и метрополии: «что сделали те и другие, каковы художественные достижения здесь и там, начиная с 1918 г.» (Слоним, 1924, с. 56). По мнению Слонима, все новое за последние 6 лет, что дала русская литература, пришло из России, и «не о России, а об эмиграции должен был бы произнести свое суровое слово отрицания А. Крайний» (Там же, с. 58). Соответственно, нельзя говорить о том, что русская культура находится в центрах рассеяния эмиграции, а в России ее нет. Те оставшиеся художники и ученые, которых проигнорировала и не упомянула в своей статье Гиппиус, создают и трудятся «и там – в России – сохранили русскую культуру» (Там же, с. 55).

Слоним заявляет, что позиция оппонента обусловлена исключительно политическими взглядами, вспоминает коммунистические симпатии Анатоля Франса и иронизирует: «Не предложит ли А. Крайний выбросить его „за борт литературы“» (Там же, с. 32). Защищает Слоним и Горького, которого ставит в один ряд с Буниным.

Критик считает, что литература эмиграции – лишь ветвь в общем стволе русской литературы, и жива она, так как жив ствол, из которого она питается соками, и так завершает свою статью: «Ведь все равно жива и будет жить русская литература – безнадежно мертвы лишь ее могильщики и отрицатели» (Там же, с. 63).

Гиппиус продолжила полемику со Слонимом и ответила ему в статье «О молодых и средних»: «Мне ставили в упрек, что в предыдущей Записи я говорил только о корифеях нашей литературы. И только об эмиграции» (Крайний, 1924, № 19, с. 235). Начиная с рассуждения об «Истине, Добре и Красоте», Антон Крайний задает вопрос: «Каково поступательное движение и развитие нашей русской литературы за годы революции, *если оно есть?*», – заранее оговариваясь, что однозначно ответить на него нельзя. Однако сам автор склоняется к тому, что «развития русской литературы нет». Говоря о литературе советской, признавая во многих писателях талант, Гиппиус его сразу же обесценивает: «Кстати о „таланте“, этом современном божке. За талант, говорят, все прощается! За талант ли? Может быть, за „прекрасное“, созданное талантливым человеком? „Прекрасное“ редко, а талантов... гораздо больше, чем мы думаем. Таланты на каждом шагу» (Там же, с. 237). На рассуждение Гиппиус о писателях, оставшихся в России, сильно влияют политические взгляды: по ее мнению, все, что создано в большевистской России, хорошим быть не может. Так, из творчества Есенина Гиппиус вспоминает только самые неприличные строки и говорит, что «лучше их не цитировать». Отказывается она цитировать и Пильняка. Старается, по ее мнению, «издумать всякий раз „погаже“» и Маяковский. Гиппиус характеризует творчество упомянутых писателей, а также М. Слонимского, которого она относит к «срединной группе молодых», успевшего «прожить несколько сознательных лет в нормальной обстановке» как «„реализм“... физических отправлений». Создать советские писатели прекрасного не могут только лишь потому, что это чувство прекрасного ими безвозвратно утрачено: «я читал стихи Брюсова последнего периода и совершенно уверен, что „оды“ этого, когда-то Божьей милостью, поэта немногим выше „художественных“ произведений распоследнего комсомольца из коммолгазеты. Как седовласый Брюсов, так и средне-молодой Слонимский, оба одинаково не способны на „прекрасное“: они оба утратили чувство прекрасного» (Там же, с. 240).

По этой же причине не могут создать ничего стоящего и молодые советские литераторы: «Они видели жизнь... как она есть в России, под большевиками. Другой не видели. Сравнить не с чем. Видели безобразие. Но не знают, что это безобразие, потому что не видели красивого. Чувства красоты они не могли утратить – они его не имели» (Там же, с. 240). Гиппиус отвечает Слониму: «Но ни в одной строке русских писателей, так называемых „новых“, – quasi-молодых, молодых и юных, – я до сих пор иной, действительно новой, ноты не уловил» (Там же, с. 239). При этом Гиппиус отдает дань уважения писателям, не ставшим сотрудничать с большевиками и, соответственно, не утеревшими чувство прекрасного: Сологубу, Пришвину, Ахматовой, Замятину, Сергееву-Ценскому.

В 1925 г. Слоним ответил Антону Крайнему в статье «Литература эмиграции», опубликованной на страницах «Воли России». Проблематику статьи критик выразил уже в первом абзаце: «Существует эмиграция добрых шесть лет. Почему же за такой долгий срок так мало создано в области литературы?» (Слоним, 1925, № 2, с. 174). Писателям русского зарубежья Сло-

ним противопоставляет писателей Советской России, которым «приходится жить в ужасающих условиях материальной нужды и духовного угнетения» (Там же, с. 174). Перечисляя многочисленные трудности, с которыми сталкиваются художники слова в России, Слоним заключает: «И, несмотря на это – ценою огромных усилий и героического напряжения – в России не прекращается литературная работа» (Там же, с. 174).

При этом в эмиграции, по утверждению Слонима, можно встретить лишь «молчание или перепевы „старших богатырей“ слова, а самое главное, в эмиграции „ужасающее отсутствие талантливой и, главное, живой, ищущей молодежи“» (Там же, с. 175). Это было действительно так. В первых 20 номерах «Современных записок» молодежь на страницах журнала практически отсутствует. По вопросу о молодых писателях в эмиграции Гиппиус согласится со Слонимом. 24 декабря 1925 г. в рецензии на 26 книгу «Современных записок» она напишет: «Почему бы журналу, не забывая своей единственности и первой, прямой задачи – служить дальнейшему цветению родной литературы, – не взглянуть и в сторону молодежи? Ее тут немало. Это все та же русская молодежь. <...> Они на чужбине? В условиях оторванности – все бездарны? Пустое. И лучше не будем говорить об условиях. Нет более невозможных условий для развития таланта и человека, чем те, в которых живут сейчас не оторванные» (Крайний, 1925, с. 2). «„Взглянуть в сторону молодежи“ – это и значит создать, прежде всего, такую „живую среду“», – заключает Гиппиус. Лишь с 1926 г. «Современные записки» начали печатать начинающих писателей.

По мнению Слонима, литература эмиграции находится в стагнации: «Когда я раскрываю книжку „Окна“ или „Современных записок“, я не только нахожу те же имена, что и в журналах 1914 г., но и имена эти красуются под произведениями, которые великолепно могли бы быть помечены этой датой» (Слоним, 1925, № 4, с. 184). В отличие от литературы русского зарубежья, литература Советской России, как доказывает Слоним, развивается: «смешны нападки Бунина и Крайнего на язык советских писателей. Да ведь вся Россия уже не говорит тем языком, какой был до революции» (Слоним, 1926, с. 100). Критик утверждает, что литература эмиграции остановилась в 1914 г., ничего не продолжает, а только повторяет, поскольку все писатели и поэты русского зарубежья сложились до революции, и заключает: «за границей нет общей литературной жизни» (Слоним, 1925, № 2, с. 176). Из всех писателей русского зарубежья критик выделяет Бунина, но замечает: «Надо ли считать символическим то явление, что наиболее крупным представителем литературы эмиграции является писатель, не только тоскующий о прошлом, не только считающий, что России конец – но и по всему складу своего творчества и своего мировоззрения ни во что не верящий, ничего страстно не чувствующий и посвящающий лучшие свои страницы описаниям безысходности, отчаяния и смертной гибели?» (Там же, с. 181–182). Как заключает Слоним, литература эмиграции «не выдвинула ни одного умственного или художественного течения, ни одной новой поэтической школы, ни одного молодого прозаика, в то время как в России есть не только Пастернак, Маяковский, Есенин (не говоря о Мандельштаме и Ахматовой),

но и группа «Серрапионовых братьев», Бабель, Федин, Пильняк, Вс. Иванов, Зощенко и ряд других прозаиков и поэтов, выступивших после революции» (Слоним, 1972, с. 297). Критик приходил к выводу, что «рано ставить могильный крест на русской словесности: она жива и будет развиваться, несмотря на удары коммунистической диктатуры, тиски цензуры и нелепые попытки вырастить цветы пролетарского искусства в оранжереях ВАПП-а и „На Посту“» (Там же, с. 297), в то время как «в эмиграции есть писатели, но нет литературы» (Там же, с. 298).

С этой точкой зрения соглашался Ф. Степун, написавший в 23 книге «Современных записок» о литературе русской эмиграции: «Россыпь писателей еще не делает литературы» (Степун, 1925, с. 358). Степун отмечает, что мнение Антона Крайнего о том, что литературы в Советской России «искать не приходится, является все еще весьма и весьма распространенным», однако в споре Гиппиус и Слонима занимает позицию последнего и заключает: «Главное достоинство советской литературы в том, что она при всех своих недостатках как-никак – есть» (Там же, с. 358).

Спор между Слонимом и Гиппиус вызвал большой интерес в среде русской эмиграции. Как писал Н. Андреев: «Этот спор произвел впечатление. И, как кажется, эхо его отозвалось в творчестве более молодых зарубежных авторов, которые как раз со второй половины 20-х годов начинают делаться „литературной силой“ и в Париже, и в Берлине, и в Праге, и во всех других местах русского рассеяния» (Андреев, 1981, с. 95). Впоследствии М. Слоним вспоминал: «Наибольший шум произвел в 1924 г. мой ответ на статью Антона Крайнего, то есть Зинаиды Гиппиус» (Слоним, 1972, с. 297). Как справедливо заметил О.А. Коростелев: «Между этими крайними точками зрения располагался весь остальной спектр мнений, в том числе весьма любопытные суждения Г. Адамовича, В. Вейдле, П. Бицилли, К. Мочульского, А. Бема» (Коростелев, 2002, с. 25). Так, Адамович писал: «Литература в целом должна была бы заботиться здесь о том, чтобы „додержаться“ до лучших дней» (Адамович, 2002, с. 519), «хоронить ее все-таки рано» (Адамович, 2007, с. 11). Отметим и позицию В. Ходасевича, который считал, что «национальная литература может существовать и вне отечественной территории» (Ходасевич, 1996, с. 258), однако «эмигрантская литература <...> оказалась все же не по плечу эмигрантской массе» (Там же, с. 267). Высказывал близкое к позиции Слонима мнение М.А. Осоргин. В статье, обобщающей российские журналы, он задает вопрос: «Литературно-художественная часть журналов дает ли что-нибудь новое, яркое, утешительное?» (Осоргин, 2002, с. 134). И считает, что беспристрастный эмигрант должен ответить на этот вопрос утвердительно, поскольку «лаборатория русского творчества никогда не бастовала и в материале для обработки (а он дается только жизнью) недостатка, конечно, не ощущала» (Там же, с. 134). При этом прославленные писатели-эмигранты «общего уровня русской литературы не повысили и новых, выше прежней ценности, вкладов в ее сокровищницу не сделали» (Там же, с. 134–135).

В 1931 г. Слоним лишь укрепился в своем мнении: «За тринадцать лет эмигрантского блуждания мы не создали ни одного литературного направления, ни одной крупной художественной ценности и не выдвинули ни одной

живой идеи» (Слоним, 1931, с. 619). Основной причиной этого он считал замкнутость литературы эмиграции: «Она перестала участвовать в событиях литературной жизни, совершавшихся на родине; она была выключена из потока, вносящего постоянные изменения в русскую художественную действительность» (Там же, с. 617–618). Критик был убежден, что литература русского зарубежья умирает, при этом окончательно на ней крест не ставил, уповая на эмигрантскую молодежь: «Найдет ли эта молодежь в себе достаточно силы, чтобы работать, писать, не надеясь на рукоплескания современников и на посмертные награды истории? <...> Если силы и желания хватит – значит, не все еще кончено, не все умерло в эмигрантской литературе» (Там же, с. 627).

Как позднее заметил Г.П. Струве, литературно-критическим статьям Слонима «было присуще «предпочтение советского эмигрантскому» (Струве, 1996, с. 59). По его мнению, основными причинами нападок М. Слонима на эмигрантскую критику были обвинения в кумовстве, ее пренебрежении к советской литературе, а также равнодушии к молодым эмигрантским писателям. При этом ученый отмечает, что если в 1920-е гг. литература Советской России была интереснее, чем зарубежная, то в 1930-е гг. чаша весов склонилась на сторону литературы эмиграции. С этим мнением соглашается и исследователь жизни и творчества М. Слонима О. Малевич: «Как раз на 1925–1938 гг. приходится расцвет зарубежной русской литературы» (Малевич, 1994, с. 85). Обратил внимание Струве и на недостатки взглядов М. Слонима: «Проявляя интерес к советской литературе, вовсе не нужно было огульно отрицать литературу зарубежную» (Там же, с. 60).

Заключение

В середине 1920-х гг. в эмигрантской периодике развернулась полемика о двух ветвях развития русской литературы. Высказывались две противоположные позиции. По мнению З.Н. Гиппиус, литературы под властью большевиков быть не могло. Однако стоит учитывать, что популярность высказываемой Гиппиус позиции была обусловлена политической составляющей – ненавистью к большевикам, присущей также и значительной части эмиграции. М.Л. Слоним же доказывал, что литература эмиграции заострена и стоит на месте, в то время как в Советском Союзе русская словесность и литература движутся вперед.

Как покажет время, более близок к истине в развернувшейся полемике был Слоним, отдававший дань уважения активно развивавшейся в Советской России литературе и выдвинувший тезис о том, что литература русского зарубежья – лишь ветвь в общем стволе русской литературы, который будет позднее доказывать А.И. Чагин формулой «одна литература и два литературных процесса» (Чагин, 2008, с. 27) в монографии «Расколота лира».

Список литературы

Адамович Г.В. Литература в эмиграции // Собрание сочинений. Литературные заметки: в 5 книгах. Книга 1. «Последние новости» 1928–1931 / Г.В. Адамович; предисл., подг. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. С. 510–524.

- Адамович Г.В.* Мысли и сомнения: о литературе в эмиграции // Собрание сочинений. Литературные заметки: в 5 книгах. Книга 2. «Последние новости» 1932–1933 / Г.В. Адамович; подг. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетей, 2007. С. 7–15.
- Андреев Н.* О некоторых факторах развития зарубежной ветви русской литературы с 20-го по 40-й год // Одна или две русских литературы?: междунар. симп., созв. фак. словесности Женев. ун-та и Швейц. акад. славистики, Женева, 13–14 апр. 1978 г. / отв. ред. Ж. Нива. Лозанна: L'Age d'homme, сор., 1981. С. 91–102.
- Коростелев О.А.* Литературная критика русской эмиграции: материалы к библиографии // Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20–30-х годов: сб. науч. тр. / отв. ред. Т.Г. Петрова. М., 2005. С. 132–181.
- Коростелев О.А.* Пафос свободы: литературная критика русской (1920–1970) литературы // Критика русского зарубежья: в 2 частях. М.: Олимп, 2002. Ч. 1. С. 3–35.
- Крайний А.* О молодых и средних // Современные записки. 1924. № 19. С. 234–249.
- Крайний А.* Полет в Европу // Современные записки. 1924. № 18. С. 123–138.
- Крайний Ант.* «Течение» «Современных записок» (книга XXVI) // Последние новости. 1925, 24 декабря. № 1740. С. 2–3.
- Малевиц О.* Три жизни и три любви Марка Слонима // Евреи в культуре русского зарубежья: статьи, публикации, мемуары и эссе / сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1994. Вып. 3. С. 73–100.
- Осоргин М.А.* Российские журналы // Критика русского зарубежья: в 2 частях. М.: Олимп, 2002. Ч. 1. С. 130–139.
- Сирич В.* Годовщина // Руль. 1927, 18 ноября. № 2120. С. 2.
- Слоним М.* «Воля России» // Русская литература в эмиграции: сб. ст. / под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1972. С. 291–300.
- Слоним М.* Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах» // Воля России. 1926. № 8–9. С. 87–103.
- Слоним М.* Живая литература и мертвые критики // Воля России. 1924. № 4. С. 53–63.
- Слоним М.* Заметки об эмигрантской литературе // Воля России. 1931. № 7–9. С. 616–627.
- Слоним М.* Литература эмиграции. 1–2 // Воля России. 1925. № 2. С. 174–182.
- Слоним М.* Литература эмиграции. 3–6 // Воля России. 1925. № 4. С. 182–192.
- Степун Ф.* Мысли о России // Современные записки. 1925. № 23. С. 342–371.
- Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь; Париж: УМСА-Press, 1996. 448 с.
- Федотов Г.* Зачем мы здесь? // Современные записки. 1935. № 58. С. 433–444.
- Ходасевич В.Ф.* Литература в изгнании // Собрание сочинений: в 4 томах. Том 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939 / В.Ф. Ходасевич. М.: Согласие, 1996. С. 256–267.
- Чагин А.И.* Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 600 с.

Сведения об авторе:

Свиридов Владислав Юрьевич, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького, Российская академия наук, Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а. ORCID: 0000-0002-1461-2433. E-mail: v.yu.sviridov@mail.ru